

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.В. МАСЛОВСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ПОСТИМПЕРСКИХ ДЕМОКРАТИЙ»

Рецензия на кн.: *Hanson S. Post-imperial democracies: ideology and party formation in Third republic France, Weimar Germany and Post-Soviet Russia.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 274 p.

Американский политолог Стивен Хэнсон обратился к изучению политических процессов в постсоветской России с позиций сравнительно-исторического подхода. Этот исследователь неоднократно подчеркивал необходимость «вернуть историю» в анализ российской политики. Он отмечал, что закат советологии как междисциплинарной субдисциплины привел к разрыву связей между историками и политологами. В то же время в сравнительной политологии в целом наблюдался рост интереса к сравнительно-историческому подходу [Hanson, 2003, p. 145]. С точки зрения Хэнсона, данный подход наиболее адекватен для анализа российских политических трансформаций. В 2006 г. Хэнсон опубликовал статью, посвященную сравнительному анализу политических процессов во Франции периода Третьей республики, Веймарской Германии и постсоветской России [Hanson, 2006]. Вышедшая в 2010 г. монография Хэнсона развивает основные положения данной статьи.

В рецензируемой работе подробно рассмотрены ведущие теоретические направления в политологии и политической социологии.

логии. В их числе Хэнсон выделяет, прежде всего, теорию рационального выбора, теорию модернизации, марксизм и веберизм. По мнению американского политолога, все указанные парадигмы, за исключением веберизма, преуменьшают значение идеологий в политической жизни. Хэнсона привлекают веберовский методологический индивидуализм, анализ нерациональных форм социального действия, а также признание роли идей в социальной и политической жизни. Опираясь на теорию Вебера, этот исследователь стремится обосновать новый подход к анализу политического влияния идеологий. В центре внимания Хэнсона находится процесс формирования политических партий. В особенности его интересует возникновение партий в условиях политической нестабильности, которая следует за крушением институтов имперского государства. С точки зрения Хэнсона, именно в такой ситуации роль партийной идеологии оказывается чрезвычайно значимой.

Как утверждает Хэнсон, политический режим, сложившийся в России после крушения коммунистической системы, представлял собой один из весьма немногочисленных примеров «постимперской демократии». Автор монографии следующим образом определяет это понятие: «...ситуация, когда новый демократический режим возникает у основной нации формально имперского государства немедленно после его распада и когда сравнительно честные и открытые демократические выборы проводятся по меньшей мере в течение десятилетия после краха империи» (р. xxii). Вместе с тем сразу же возникает вопрос о том, насколько соответствует данному определению постсоветская Россия, если СССР формально никогда не был империей, а честность и открытость демократических выборов в России в первое десятилетие после его распада вызывает серьезные сомнения.

Американский политолог сопоставляет политическое положение в России 1990-х годов с ситуацией во французской Третьей республике, главным образом в 1870-е годы, а также в Веймарской республике. Сравнение постсоветской России с Веймарской Германией получило весьма широкое распространение в политологии к середине 1990-х годов. Хэнсон также обратился к данной аналогии в статье, написанной в соавторстве с Дж. Копстейном [Hanson, Kopstein, 1997]. Впоследствии Хэнсон отмечал, что основные гипотезы его исследования «постимперских демократий» были

сформулированы в ходе сравнительного анализа Веймарской республики и постсоветской России, а пример Третьей республики во Франции был выбран из сугубо теоретических соображений.

Согласно Хэнсону, во всех трех рассмотренных случаях наследие имперских институтов налагало сходные ограничения на действия новых демократических элит. «Постимперские демократии» унаследовали недостаточно модернизированные экономики с большой долей государственного участия. Во всех этих странах за крушением империи последовал период политической нестабильности и сохранялась социальная база авторитаризма. Вместе с тем характер нового политического режима в указанных странах оказался различным: демократия во Франции, нацистская диктатура в Германии и «слабый авторитаризм» в России.

По мнению Хэнсона, решающее значение в каждом случае имело влияние политической идеологии. По его мнению, во Франции и Германии преобладали «идеологические партии», вокруг которых консолидировался новый режим, тогда как в постсоветской России партии в конечном итоге были подчинены авторитарному государству, не обладавшему какой-либо четко сформулированной идеологией. Хэнсон делает вывод, что влияние идеологии является важнейшим фактором, определяющим судьбу неустойчивых демократий. Но следует отметить, что предложенное им понимание идеологии как прежде всего партийной идеологии представляется недостаточно широким. Кроме того, сосредоточившись на проблеме идеологии, Хэнсон явно не уделяет должного внимания социальным слоям, которые могли бы выступать носителями того или иного идеологического проекта.

Сопоставляя Францию периода ранней Третьей республики, Веймарскую Германию и постсоветскую Россию, Хэнсон не видит принципиальных различий в характере политических институтов и особенностях политической культуры трех «постимперских демократий». По его мнению, антидемократическое имперское наследие было аналогичным во всех трех случаях. Однако необходимо учитывать, что российский политический режим рассматриваемого периода являлся не только постимперским, но и посткоммунистическим. Особенности политической культуры российского общества в значительной мере определялись этим фактом. В целом Хэнсон признает существование «общего неприятия “идеологии” в

России, в стране, где марксизм-ленинизм превратился в фарс, фашизм ассоциируется с ужасами Второй мировой войны, а либерализм воспринимается многими как заговор Запада, направленный на разрушение страны» (р. ххv). Тем не менее характер политической культуры российского общества как одновременно постимперской и посткоммунистической заслуживает более тщательного анализа.

Следует отметить, что Хэнсон не принимает цивилизационный подход к изучению российской политики и культуры. По его мнению, данный подход не позволяет объяснить динамику социальных изменений. Этот исследователь допускал возможность того, что советская система могла представлять собой «совершенно иной тип модерна – отдельную и в конечном итоге саморазрушительную цивилизацию (как это сформулировал Стивен Коткин)» [Hanson, 2003, p. 147]. Но при этом Хэнсон не ссылается на труды таких представителей цивилизационного анализа в исторической социологии, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон, которые рассматривают динамику различных типов общества модерна. В настоящее время концепция множественных модернов, опирающаяся на идеи этих ученых, получает распространение в политической социологии [Spohn, 2010], а ее значение для анализа политических процессов в постсоветской России подчеркнул недавно Ричард Саква [Sakwa, 2012]. Вместе с тем концепция Хэнсона, безусловно, является шагом вперед по сравнению с внеисторичным подходом, характерным для значительной части транзитологических исследований.

Литература

- Hanson S.* Sovietology, post-sovietology and the study of post-communist democratization // *Demokratizatsiya*. – Wash. D.C., 2003. – Vol. 14, N 1. – P. 142–149.
- Hanson S.* Postimperial democracies: ideology and party formation in Third Republic France, Weimar Germany and Post-Soviet Russia // *East European politics and societies*. – L., 2006. – Vol. 20, N 2. – P. 343–372.
- Hanson S., Kopstein J.* The Weimar/Russia comparison // *Post-Soviet affairs*. – Berkeley, 1997. – Vol. 13, N 3. – P. 252–283.
- Sakwa R.* Modernization, neo-modernization and comparative democratization in Russia // *East European politics*. – L., 2012. – Vol. 28, N 1. – P. 43–57.
- Spohn W.* Political sociology: Between civilizations and modernities. A multiple modernities perspective // *European journal of social theory*. – L., 2010. – Vol. 13, N 1. – P. 49–66.